

М. С. Ромашко

*Науч. рук. – Т. Н. Усольцева, канд. филол. наук,
доцент*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЗВУКООБРАЗА В ЭЛЕГИЯХ В. А. ЖУКОВСКОГО

В данной статье рассматриваются особенности поэтики звукообраза в элегиях В. А. Жуковского, которые отражают идеи романтизма, подчеркивают антитетичность реального и идеального мира в художественном пространстве поэта, помогают передать состояние внутреннего мира лирического героя. Звукообразы в элегиях В. А. Жуковского создают определенное настроение и воздействуют на эмоциональное состояние читателя.

Поэты-романтики уделяли огромное значение звуку, звуковым сочетаниям, так как полагали, что музыка, следовательно, звук, является отблеском идеального мира. Их взгляд на звук и звукообраз во многом определили идеи немецкой идеалистической философии. Общеизвестно, что одним из самых распространенных способов инструментовки стиха является звукопись – звуковые повторы, условно воспроизводящие звучащую картину действительности. Приемы звукописи являются ярким составляющим понятия «звукообраз». Однако аллитерация и ассонанс обычно направлены на имитацию естественных звуков живой природы – шум ветра, журчание ручья, пение птиц... Само же понятие «звукообраз» намного шире и включает в себя различные аспекты звукового оформления образа во всем их многообразии. В стихотворной форме это, прежде всего, ритмическая организация текста, средства художественной выразительности – тропы и стилистические фигуры на всех языковых уровнях. Паузы, восклицания, интонация и тембр звучащей речи, звуки и их сочетания семантически значимые для создания целостного образа [1].

Звукообраз – результат освоения и преобразования действительности художником слова, слышимый образ явления, творчески воссозданного в произведении. Даже

отдельные звуки и их сочетания вызывают некоторые ассоциации; слово, определенный контекст, проведение в целом содержит в себе слышимые образы, а могут и сами являться звукообразом. Можно говорить о системе звукообразов произведения или отдельного автора, так как звуковое оформление неповторимо у каждого художника слова.

В. А. Жуковский был одним из первых русских поэтов, уделявших огромное внимание звуковой инструменталке лирического образа. Среди наиболее явных звукообразов, сформировавшихся в лирике поэта, можно назвать звукообразы идеального и реального мира, которые реализуются через более частные образы.

Так, в элегии «Вечер» наиболее ярко представлен звукообраз тишины. С точки зрения В. А. Жуковского, тишина является отблеском идеального мира, она воспринимается поэтом как средство успокоения, способное привести к обретению душевной гармонии, умиротворению, что есть благодать. Само слово тишина уже есть звукообраз.

Мягкий звук [т'] в начале слова сразу привносит чувство уюта. Твердый шипящий [ш] находится между гласными [и] и [ы] звучит не резко, но отчетливо. В самом комплексе звуков [иши] словно слышен шёпот. На конце ударный глубокий гласный [а] дает ощущение уверенности, тишина будет всегда, это константа.

Элегия написана четырехстопным и шестистопным ямбом, несущим в себе повышенную эмоциональность. Природа у Жуковского живая, и тишина является звукообразом идеального, но не мёртвого мира, в котором тихо журчит ручей, чуть слышно колышется тростник, мелькает волшебный луч луны: Все тихо: рощи спят; в окрестности покой; Простершись на траве под ивой наклоненной, Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой, Поток, кустами осененный [2, с. 12].

Практически в каждой строке при описании уснувшей природы слышен ассонанс звуков [ш]; [ш], воплощающий слышимый образ тишины.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй
плесканье! Как тихо веянье зефира по
водам
И гибкой ивы трепетанье! [2, с. 12]

Восторг лирического героя от идеально живой тишины передают восклицательные предложения и обращения, а растворение в этой тишине, единение с природой передают паузы. Своеобразное чередование восклицательных предложений и пауз создают особый эмоциональный фон.

Звукообраз реального мира словно противостоит гармонии природы:

Иль всяк своей тропею,
Лишенный спутников, влача
сомнений груз, Разочарованный
душою,
Тащиться осужден до бездны гробовой?.. [2, с. 13]

В звукообраз реальности врываются сонорные [р]. В словосочетании «бездны гробовой» сами звуки словно падают в бездну и умолкают, возникновению подобного ощущения способствует пауза в конце стиха. Пребывание лирического героя в реальном мире обозначено одним кратким словом – «рок», которое звучит как предначертанное, Богом данная судьба.

В элегии «Море» звукообразы помогают читателю осознать, что идеальный и реальный миры не существуют отдельно, сами по себе, они связаны между собой, влияют друг на друга, что это пространство медиума доступно человеческому разуму для его постижения.

Звукообраз моря в элегии настолько ярок, что в сознании читателя возникает зрительный образ, описанный В. А. Жуковским: светлое лазурное море в солнечный день, прозрачные воды, сквозь которые виден каждый камушек, тихий шелест пенистых ласковых волн, незабываемые картины восходов и закатов, когда «горящее» солнце словно зажигает изнутри водную стихию. Затем картина меняется: на фоне светлой лазури появляются «темные тучи», «враждебная мгла», скрывающие чистое небо, слышны раскаты грома, завывания ветра, огромные волны с грохотом и свистом бьются о берег... Смешение звуков и красок вызывают ощущение приближения катастрофы. Однако все изменяется в одно мгновение: «мгла исчезает», «тучи уходят», небо вновь приобретает «сладостный блеск», и только море долго «вздывает испуганные волны», словно не верит обретенной тишине.

Море в элегии настолько очеловечено, что кажется, будто происходит диалог лирического героя с живой стихией,

которая способна дышать, любить, радоваться, думать, чувствовать, сражаться, переживать. Многократное употребление местоимения «ты» по отношению к морю подчеркивает душевный характер дружеской беседы. Изменение состояния моря (покой – буря – тревожный покой) ярко передают глаголы второго лица: дышишь, льешься, горишь, блещешь / бьешься, воюешь, подъемлешь, рвешь, терзаешь, вздымаешь / скрываешь, дрожишь. Элегия «Море» написана четырехстопным амфибрахийем, поэтому можно сказать, что звукообраз моря словно пронизывает всё произведение – белый стих помогает передать ритм набегающих волн, многократный повтор шипящего [ш] – шум водной стихии. Состояние покоя предаёт ассонанс ударных гласных [о], [е]:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей [2, с. 105].

Состояние бури – смешение звуков – яркая аллитерация на шипящие и резкий [р] в соединении с ритмикой строки представляют слышимый образ шторма, живой звукообраз бури:

Ты бьешься, ты воюешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу... [2, с. 106]

Обманчивость вновь обретенного покоя слышится в последней части элегии – продолжается единоначатие с местоимением «ты», аллитерация на шипящие [ш], [щ], но исчезает ассонанс на гласные и появляются взрывные [р], [др] в последних строках. Эпитеты «лазурное море», «светозарная лазурь», «облака золотые» насыщены христианской символикой божественного.

Море у Жуковского – это не идеальный божественный мир, полный гармонии, а только его отражение, но отражение с живой душой, стремящейся к высшим мирам и не находящей покоя в роли посредника между небом и землей, медиума в бинарной оппозиции «небесное» – «земное». Даже сочетание звуков в коротком слове «море» так же содержит звукообраз: ударный [о] как символ необъятного, бездны, сонорные [м] и [р'] воплощают слышимое, деятельное начало, безударный [э] смягчает звучание резкого звука [р].

Звукообраз неба – слышимый образ высшего из миров.
Эпитеты

«далекое небо», «светлое небо», «светозарная лазурь», «золотые облака» подчеркивают безмятежность божественной стихии. Небо живет своей «таинственной и сладостной» жизнью, полной гармонии. Многократный повтор [с] – воплощение чистоты божественного света. В повторах звуков [з], [н] можно одновременно увидеть цвета лазури и золота и ощутить звучания небесных сфер. Возникшая пауза становится символом недостижимости высшего из миров:

Иль тянет тебя из земная неволи
Далекое, светлое небо к себе?.. [2,
с. 106]

Звукообраз тишины в элегии возникает уже в первых строках. Безмолвное море, лазурное море, Стою очарован над бездной твоей [2, с. 106].

Само слово «безмолвное» является звукообразом тишины: корень

–молв- имеет лексическое значение речевого акта, а префикс - без- – звучное отрицание (перед сонорным [м] не происходит оглушение звука [з]). Звукообраз тишины изменчив – изначально это безмолвие

«лазурного моря», полного «сладостной жизни» (ассонанс звуков [о], [е]), очевидно то безмолвие является отблеском чистой благодатной тишины «далекого светлого неба», идеального мира, непостижимого для человека. В период бури звукообраз тишины исчезает вовсе и внезапно появляется вновь: он возникает как пауза перед исчезновением «мглы». Вновь обретенная тишина обманчива, и в «бездне покойной» скрывается «смятенье». В последних строках исчезают шипящие звуки, символизирующие шум моря, а заключительную фразу, вероятно, можно рассматривать как антитезу (любоваться можно в состоянии умиления, а дрожать в состоянии страха):

Ты, небом любуясь, дрожишь за него [2, с. 106].

Звукообраз лирического героя, размышляющего о тайнах мироздания, слышен в каждом строке элегии. Эмоциональность его речи передают повторяющиеся обращения, вопросы, паузы. Лирический герой обладает тонкой душевной организацией – олицетворяя себя с морем, он пытается проникнуть в тайну его души. Восторг от созерцания водной стихии слышен в слове «очарован» и многочисленных

эпитетах. Душа лирического героя словно сливается с душой моря, что влечет за собой возникновение «тревожных дум» о недостижимости высшего из миров. В монологе поэт придает большое значение звукописи, возникает ассонанс при описании безмятежного неба и яркая аллитерация при воссоздании звукообраза бури. Единение душ лирического героя и моря приводит к «смятенью», осознанию недостижимости идеала. Звукообраз лирического героя представлен и в речевой экспрессии.

Таким образом, В. А. Жуковский наряду с другими поэтическими приемами использует звукообраз для того, чтобы воздействовать на воображение и эмоциональные ощущения читателя, так как именно умение чувствовать и сострадать, с точки зрения поэта, делают человека истинным человеком.

Список литературы

1 Журавлев, А. Звук и смысл / А. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 155 с.

2 Жуковский, В. Баллады и стихи / В. Жуковский – Минск: Юнацтва, 1989. – 285 с.